

УДК 801.73

**СПЕЦИФИКА ПРЕЛОМЛЕНИЯ ТРАДИЦИИ РОМАНА ВОСПИТАНИЯ В ПРОЗЕ
М. ШИШКИНА (НА МАТЕРИАЛЕ «ЗАПИСОК ЛАРИОНОВА»)**

© 2016 г.

О.Ю. Осмухина, И.Р. Куряев

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск

osmukhina@inbox.ru

Поступила в редакцию 28.08.2015

Анализируется специфика преломления традиции романа воспитания в «Записках Ларионова» М. Шишкина. Авторы статьи использовали сравнительно-исторический и целостный методы анализа литературного произведения. Установлено, что развитие действия «Записок Ларионова» строится по классической схеме Bildungsroman: это повествование о духовном пути главного героя, направленном на установление внутренней гармонии, обретение им духовной зрелости. Опираясь на традицию романа воспитания И. Гончарова «Обыкновенная история», Шишкин в «Записках Ларионова» использует элементы романа воспитания (моноцентричность, специфическая образная система, композиция, определяющаяся стадийностью пути главного героя, «становящегося человека»), а также расширяет традицию Bildungsroman посредством стилизации и иронии.

Ключевые слова: сюжет, хронотоп, традиция, роман воспитания, Гончаров, Шишкин.

Общеизвестно, что многообразие форм современного романа позволяет выделить достаточное количество его внутрижанровых разновидностей, одной из которых по устоявшейся историко-литературной традиции является роман воспитания (Bildungsroman).

Впервые термин Bildungsroman был употреблен К. Моргенштерном в 1820-е гг. [1, с. 2], который осмысливал генезис, сущность, историю немецкого романа воспитания. По мнению К. Моргенштерна, роман воспитания «изображает формирование героя от начала жизни до определенной ступени зрелости», и «это формирование способствует воспитанию читателя» [1, с. 13]. Начало же углубленного исследования романа воспитания, как указывает Р. Зельбманн, связано с работами В. Дильтея, называвшего романами воспитания произведения «школы Вильгельма Мейстера», показывающие «человеческое формирование на различных ступенях, образах, эпохах жизни» [1, с. 120], романы романтической группы (Фр. Шлегель, Тик, Вакенродер, Новалис) и романы о художниках. При этом изучение романа воспитания переводится исследователем в плоскость религиозную – процесс воспитания героя жизнью интерпретируется как этапы духовного преображения человека: «человек проходит путь от недобровольного изгнания из райского прасостояния через враждебный, полный искушений мир, к идеалу очищения и возрождения» [1, с. 121], а потому в подтексте романа воспитания присутствует тема «потерянного рая», «настоящего стремления к его возвращению», тема

«блаженных сумерек души» чистого, неискушенного героя в начале романа и его мечта о гармонии.

Опираясь на работы предшественников, Г.Г. Борхерд вычленяет «три фазы» романа воспитания: «юные годы» как «показ» героя вдаль от мира, «годы странствий», раскрывающие в нем заложенные природой задатки, и «очищение» как окончательное формирование его личности [см.: 1, с. 182–238].

В отечественном же литературоведении концептуальное исследование романа воспитания было предпринято М.М. Бахтиным, который подчеркивал, что ключевым организующим центром в структуре романа воспитания становится идея становления, в центре его – образ становящегося человека: «Сам герой, его характер становятся переменной величиной в формуле этого романа. Изменение самого героя приобретает сюжетное движение, а в связи с этим в корне переосмысливается и перестраивается весь сюжет романа. Время вносится вовнутрь человека, входит в самый образ его, существенно изменяя значение всех моментов его судьбы и жизни» [2, с. 199–200]. Примечательно, что М.М. Бахтин подчеркивал относительность любых четких разграничений внутри романного жанра, по сути, открывая тем самым перспективу для включения в круг Bildungsroman многокомпонентных жанровых образований, в которых образ главного героя построен по принципу оформления воспитательного романа: «Ни одна конкретная историческая разновидность не выдерживает принципа в чистом виде, но характе-

ризуется преобладанием того или иного принципа оформления героя» [2, с. 188].

Справедливости ради заметим, что отечественное литературоведение рубежа XX–XXI вв., уделяя внимание (и в историко-, и в теоретико-литературном отношении) судьбе Bildungsroman на русской почве, в принципе опирается на понятийный аппарат и выводы М. М. Бахтина. В ряде работ подчеркивается моноцентричность построения романа воспитания [3, с. 14], выраженная в биографизме и субъективно-лирическом начале [4, с. 36], «стадиальность» пути героя, определяющая композицию [3, с. 16], и, наконец, особая роль второстепенных персонажей романа, выступающих в качестве катализаторов воспитательного процесса главного героя, и наставников, учителей жизни, способствующих духовному развитию героя [4, с. 36].

В современной отечественной прозе, как известно, отчетливо актуализируемая «память жанра» влечет за собой в рамках романного жанра синтез различных его разновидностей, в том числе и Bildungsroman. Наиболее примечательно в этом контексте творчество М. Шишкина и прежде всего его дебютный роман «Записки Ларионова», являющийся стилизацией классического русского романа XIX века, «попыткой переселения души, писательского пера и языка в иную эпоху» [5, с. 4]. Как справедливо отмечает А.Р. Ингеманссон, роман «Записки Ларионова» направлен на игру с читателем и содержит множество интертекстуальных отсылок к известным произведениям русской и зарубежной литературы [6, с. 181]. И если учесть, что Шишкин создал «метатекст, который в своей органике соединяет уже существующие в коллективном сознании нации эстетические устойчивые моменты» [5, с. 4], то становится очевидно, что между романом и читателем происходит своеобразная игра в «узнавание».

Несомненно, что при создании своего текста М. Шишкин опирался на традицию романа воспитания, прежде всего И.А. Гончарова, о чем свидетельствует дополнительный литературно-биографический штрих: М. Шишкин, участвуя в создании книги «Литературная матрица. Учебник, написанный писателями», писал раздел именно об авторе «Обыкновенной истории», «Обломова» и «Обрыва» [4]. Генетическая связь «Записок Ларионова» М. Шишкина с романом И. Гончарова «Обыкновенная история», на наш взгляд, очевидна.

Прежде всего, развитие действия «Записок Ларионова» строится по классической схеме Bildungsroman: это повествование о духовном пути главного героя, направленном на установление гармонии, внутренней прежде всего, об-

ретение им духовной зрелости. Путь этот, как правило, начинается с творчества. В романе Шишкина это описание детства главного героя, его взаимоотношений с родителями, история его учения, женитьбы, службы чиновником в провинциальной Казани, где Александр Львович Ларионов живёт тихой жизнью, общаясь как с местными консервативными помещиками, так и с вольнодумцем Ситниковым. Протагонист проходит ряд испытаний (гимназия, служба), в которых Ларионов пытается сохранить честь, человеческое достоинство, стремясь воплотить свои идеалистические идеи в жизнь, но терпит крах. На первый взгляд «Записки Ларионова» являются романом воспитания, однако при ближайшем рассмотрении становится очевидно, что прозаик скорее стилизует повествование под роман воспитания, о чем свидетельствует авторская ирония [7, с. 36].

Так, авторская ирония в «Записках Ларионова» очевидна в описании быта и нравов протагониста и его окружения, введении тем «лишнего» и «маленького» человека, весьма примечательных для русского романа XIX столетия, о чем свидетельствует изображение Ларионова шаблонным, мало отличающимся от героев романов XIX в. Ирония также прослеживается в изображении быта провинциальной Казани: «После долгого деревенского заточения меня оглушил этот пестрый шумный город, смешавший в себе черты Европы и татарщины. Я бродил с утра до ночи по торцовым мостовым и слободским переулкам, заглядывал в бесчисленные церкви и мечети, гулял по базарам, покупал какие-то халаты, ичиги, еще Бог знает что, не в силах устоять перед натиском торговцев, которые хватают прямо за руки и не пускают, пока чего-нибудь не купишь. Всюду крикливая тарабарщина, бороды, выбритые полумесяцем, а из-за Булака, с минаретов доносится вой муэдзинов. В татарской слободе на меня набросились синеголовые татарчата, которых уже с двухмесячного возраста бредут наголо, и я насилу отделался от них, пользуясь для этого по неопытности медяками, а не тумачами. Ночью, в грязной гостинице с неопрятной прислугой, привыкшей входить, не постучавшись, пришлось спать, спасаясь от клопов, на столе посреди комнаты, все убранство которой состояло из трех просиженных соломенных стульев, нетвердой кровати с соломенным тюфяком, железного сломанного ночника да голых стен, усыпанных прусаками» [8, с. 104]. Именно репрезентация героя «маленьким» человеком, тривиально описывающим собственное бытие, очевидная «олитературенная» заурядность всех персонажей романа Шишкина как раз и свидетельствуют об

использовании авторской иронии, необходимой отнюдь не для хроникального изображения российской провинции, но для реконструкции «самого процесса творчества» [9, с. 67].

Как главный герой «Обыкновенной истории» Александр Адуев – «юный провинциал 30-х годов, усвоивший характер чувств и манеру поведения популярных персонажей современной ему литературы (преромантической и романтической)» [10, с. 18], так и Александр Львович Ларионов у Шишкина также провинциал 30-х годов, чье мировоззрение было сформировано прежде всего литературой: «Я родился в третий год нашего странного века, века великих изобретений, великих помыслов, великих мятежей и великого порядка. <...> Вот там, в Стоговке, а вернее сказать, здесь, ибо за окном тот же сад, в саду виден сейчас, когда нет листьев, тот же дуб, да все то же, хотя прошла целая жизнь, я и родился и пишу сейчас эти строки» [2, с. 7–8]. Герой Шишкина страстно увлечен чтением, о чем неоднократно сообщает читателю: «Даже вакации я проводил за чтением. Как сейчас чувствую кожей жаркий душный деревенский полдень, а ноздри щекочет резкий, плесневелый запах слежавшихся книг» [2, с. 27].

Подчеркнем, что в историю «воспитания чувств» героя Шишкина вписана любовь, что позволяет включить роман прозаика в широкий контекст *Bildungsroman* (достаточно вспомнить, к примеру, что «Годы учения Вильгельма Мейстера» Гете открываются рассказом о первой любви). Причем крушение первой любви становится жесточайшим испытанием и тяжелым уроком: добровольный отказ от нее не позволяет персонажу двигаться дальше по пути нравственного совершенствования и обретения абсолютной свободы, тогда как полная самоотдача, хотя и приводящая к утрате иллюзий, ведет в конечном итоге к обретению персонажем себя. Герой Шишкина переживает сильное чувство к Дашеньке: «На диване дурачились, а я делал вид, что читаю, но сам только переворачивал страницы, потому что на самом деле слушал Дашенькину болтовню, жадно внимая всей той чепухе, которую она могла нести бесконечно. В миллион раз важнее *ordre du soeur* занудного старика были мне ее рассказы об институте, о выживших из ума классных дамах, о девичьих проделках. Дашенькин голос, ее движения, взгляды завораживали меня» [8, с. 45]. Впоследствии любовь эта оставляет у героя лишь чувство стыда.

Хотя главный герой романа воспитания организует мир и персонажей вокруг себя, принципиальную роль играют духовные наставники главного героя, либо персонажи, их заменяю-

щие. У Шишкина функции наставников Ларионова исполняют несколько персонажей. Это и Иван Иванович Козлов, преподаватель точных наук в гимназии: «Необычная наша симпатия друг к другу покоилась, однако, не на шатких теоремах, пустотелых цифрах и прочих абстрактных понятиях. <...> Дело в том, что Иван Иванович был тайным поэтом. <...> Скорее всего стихи, писанные в допотопном духе, груженные славянизмами, приправленные несъедобными рифмами, были дрянными. Но что до того нелюдному подростку, в ту минуту уже глядевшему на Ивана Ивановича сквозь запотевшие стеклышки обожания. <...> Наша общая с Иваном Ивановичем тайна научила меня отвечать на злые выходки товарищей, на все их плевки, щипки, подножки, толчки в спину, весьма обидные прозвища лишь гордым тихим презрением да приехотила искать замену друзьям в книгах» [8, с. 27–29]. И поручик Богомолов: «Партионным командиром был назначен поручик Богомолов, тот самый, который так подло опоил меня в достопамятный вечер. Я думал, что после такого мы будем с ним вечными врагами, но он отнесся ко мне впоследствии весьма снисходительно и даже дружелюбно» [8, с. 59]; «Помню, вечерами иногда заходил Богомолов, и мы подолгу беседовали с ним у меня в комнатке. В моем неудобном жилище было холодно, и мы сидели, набросив шинели. – Чего ты хочешь добиться? – говорил он. – Правды? Так ее и так нет и никогда не будет. – Богомолов, неужели ты не понимаешь, – восклицал я в отчаянии, – что я хочу служить честно, и ничего больше?! – Служи! И я служу честно. Вон и граф служит честно, носится по всем селениям, себя не жалеет. А толку-то что? Зачем все это? Для блага отечества? Так и Гущин тоже отечество. – Так ведь если ничего не делать, ничего и не будет! – А зачем нужно, чтобы еще что-то там было? Для счастья, милый Ларионов, достаточно того, что есть» [8, с. 72]. И доктор Шрайбер: «Шрайбер отличался едким умом, обо всем судил как бы в шутку, говорил насмешливо, в речь свою любил иногда вставить какое-нибудь черемисское словечко, а себя называл не иначе как табиб» [8, с. 133]. И казанский губернский прокурор Гаврила Ильич Солнцев: «Но Солнцев-то, Солнцев, живой символ казанского свободомыслия! Изгнанный из университета за привитие молодежи разрушительных начал, оскорбленный и поруганный, лишенный судом права преподавать, а значит, кормить свое семейство, что за коленце выкидывает он!» [8, с. 116]; «Солнцев вдруг схватил меня за шею, привлек к себе, прижался своей мокрой колючей щекой и зашептал на ухо, обдавая меня

пьяным дыханием: – Да ты разве жил? Ты и не жил еще, свет Александр Львович! Тебя, юноша, еще жизнь на зуб не пробовала!» [8, с. 207]. И, наконец, штабс-капитан Ситников: «Я знал этого человека недолго, каких-нибудь несколько месяцев, а потом пытался забыть его и все, что с ним было связано, всю жизнь. А теперь жизнь прошла, и я вывел имя его пером совершенно спокойно, ничто не дрогнуло в душе моей» [8, с. 161]. Все учителя, кстати, как носители не просто жизненного опыта, но и «особого» знания, знаменуют включение в роман Шишкина спора «двух возрастов», что отсылает и к русской классической словесности, и к просветительской мысли, в которой дилемма «ум – сердце» была едва ли не ключевой.

При этом равно как, например, в «Годах учения Вильгельма Мейстера» И.-В. Гете вносят вклад в «воспитание чувств» Вильгельма Ярно и Лотарио, Зерло и Лаэрт, Марианна и Наталия и др., в «Записках Ларионова» и наставники, и второстепенные персонажи влияют на главного героя, погруженного в осмысление своего и чужого опыта. Так же, как и Вильгельм Мейстер у Гете или Александр Адуев у Гончарова, Ларионов у Шишкина не просто рефлектирует – он действует, преодолевает собственные заблуждения, и «уроки жизни», получаемые им от столкновения с различными аспектами бытия, помогают ему обрести согласие с самими собой, свое собственное «я».

У Ларионова юношеский максимализм требований к жизни сочетается с беспомощностью перед ее сложностью, и это приводит к подмене деятельности мечтаниями об идеале, что сближает его с героями русской классической литературы, прежде всего с Александром Адуевым из «Обыкновенной истории». Его идеализм объясняется первоначально условиями детского мира (равно как идеализм Адуева «замешан на инфантилизме барчонка» [3, с. 138]), неподготовленностью к вступлению во взрослую жизнь, повлиявшей на его становление, а затем инфантилизмом общества потребления – бесцельностью его бытия: «Не хотел бы я снова возвратиться в то разжиревшее от плюшек и пряничков большеглазое дитя, рыдавшее по ночам от проказ злых насмешников и жестоких тихонь. Кто не научился обходиться в кругу товарищей с самого детства, обречен в отрочестве на одиночество и простодушную, без задней мысли, травлю, осужден на то, чтобы вылавливать из чашки гимназического чая еще живого прусака, совать ноги в галоши, налитые квасом, ходить, не замечая на спине вероломный плевок. Всего не вспомнишь» [8, с. 20]. Первоначально Ларионов переносит в «большой мир» все атрибуты

«малого мира» его детства, где ему было уютно, где присутствовали особые сигнальные образы, но уже его первая попытка утверждения в жизни заканчивается поражением, а потому герой пытается мимикрировать, подстраиваясь под новые реалии: «Началась новая жизнь, полная крика и муштры.<...> В полк я пришел уже не тем начитанным мальчиком, думавшим завоевать мир книжной мудростью. <...> что есть сил старался стать таким же, как мои новые товарищи, на которых мундир уже не сидел мешком. Выправке, маршировке, ружейным приемам я учился ретиво, истово. Мучительное, необъяснимое наслаждение я находил в том, чтобы разбирать ружье, чистить его тертым кирпичом, драить полировником штык, шомпол, винтики. Мне нравилось варить пахучий клей, белить амуницию, а когда клей и мел подсохнут, начисто, чтобы не было ни пятнышка, ее отделять. <...> Как я хотел стать таким же, как они все, – тупым, грубым, жестоким, веселым!» [8, с. 40–42]. Герой, первоначально полный иллюзий о мире, мечтает обрести себя, собственное место в новых для него условиях: «Тот юноша не знал, что ждет его впереди, но не сомневался ни на минуту, что в полку встретит его настоящее мужское братство. Он хотел служить, и не за жалованье, не за чины, а за совесть, приносить пользу отечеству. Он знал, что его будут любить женщины, причем прекраснейшие из них. Он верил в свою судьбу» [8, с. 55].

Роман И. Гончарова цикличен, Александр Адуев становится копией, подобием своего дяди: «Дядя, скрестив руки на груди, смотрел несколько минут с уважением на племянника. – И карьера и фортуна! – говорил он почти про себя, любуясь им, – И какая фортуна! и вдруг! всё! всё!.. Александр! – гордо, торжественно прибавил он, – ты моя кровь, ты – Адуев! Так и быть, обними меня!» [11, с. 302]. Тем самым произведение обретает универсальность, становится «романом воспитания», повествующим не только о становлении одного человека или человека определенной эпохи, но и о становлении каждого последующего поколения. В романе же М. Шишкина изображена история жизни обычного чиновника, повествование в финале не обретает форму цикличности, жизнь героя формально не завершена: герой не находит «отражения» в сыне, Александр Ларионов уходит в небытие. «Что ж, я не боюсь смерти. Чему должно случиться, то все равно произойдет. И умирать я тоже буду счастливым. Я ведь жил и жизнь всю свою прожил, и что еще нужно?» [8, с. 310].

Заметим, кроме того, что если у И. Гончарова сам Александр Адуев не осмысливает свою жизнь, не подводит итогов, за него это делает

нарратор, то в романе М. Шишкина, написанном в форме «тетрадей», мемуарных записок, повествование ведется от лица я-субъекта: «Вот перед Вами на листках не лучшей бумаги, исписанных старозаветным почерком, история моей жизни. <...> Дожив до седин, я прекрасно понимаю всю необязательность этого труда. Он был вызван к жизни, поверьте, лишь долгими зимними вечерами, вынужденным деревенским бездельем да одиночеством» [8, с. 5]. Герой романа подробно описывает свою жизнь, рефлексировать по поводу пережитого, выносит себе приговор, фактически беря на себя роль демиурга.

Но если герой Гончарова «высказан и завершен» (М.М. Бахтин), как и само повествование, то Ларионов у Шишкина не может быть «завершен», как и само повествование, создаваемое им, частью которого он является, остается формально незавершенным: «Что-то написать хотел, что-то важное, да забыл и вспомнить никак не могу. Ничего, завтра допишу» [8, с. 316]. Ларионов «утопает в хаосе и нелепостях российской действительности, пропадает, как иголка в стоге сена» [12].

Итак, роман «Записки Ларионова» М. Шишкина, созданный в условиях постмодернистской культурной ситуации, продолжает традиции романа воспитания, структурно воспроизводя его ключевые элементы (моноцентричность, специфическую образную систему, композицию, определяющуюся стадиальностью пути главного героя, «становящегося человека») и синтезируя их с сугубо постмодернистскими приметами (интертекстуальностью, ироническим модусом повествования), что фактически позволяет условно определять их, по справедливому замечанию О.Ю. Осьмухиной, как «роман воспитания, созданный по законам постмодернистской эстетики» [13, с. 242]. Разумеется, роман М. Шишкина, в котором отчетливо прослеживаются традиции Bildungsroman, быть может, наиболее примечательный, но отнюдь не единственный пример осознания и освоения духовного и эстетического потенциала романа воспитания на рубеже XX–XXI вв. Синтезиру-

ющая в том числе элементы и этой романной формы, отечественная проза (В. Пелевин, Л. Улицкая, Т. Толстая, С. Минаев, С. Шаргунов и др.) становится значимым звеном в динамике современного романа, реанимирующего «забытые традиции».

Список литературы

1. Zur Geschichte des Deutschen Bildungsromans. Hrsg. von Rolf Selbmann. Darmstadt, 1988. 380 S.
2. Бахтин М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 188–236.
3. Краснощекова Е.А. Роман воспитания – Bildungsroman – на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2008. 480 с.
4. Пашигорев В.Н. Философские и литературные предпосылки немецкого романа воспитания // Филологические науки. 1990. № 2. С. 36–43.
5. Шохина В. Привет из прошлого века: «Литературное приношение» Михаила Шишкина // Литературная газета. 1993. 13 окт. № 41. С. 4.
6. Ингеманссон А.Р. Автор и герой в романе Михаила Шишкина «Записки Ларионова» // Известия Волгоградского государственного технического университета. Волгоград, 2013. № 2 (105). С. 181–184.
7. Осьмухина О.Ю. Авторская маска в русской прозе 1760–1830-х гг.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2009. 40 с.
8. Шишкин М.П. Записки Ларионова. М.: АСТ, 2010. 320 с.
9. Оробий С.П. «Вавилонская башня» Михаила Шишкина: опыт модернизации русской прозы. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. 161 с.
10. Краснощекова Е. Иван Александрович Гончаров. Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 496 с.
11. Гончаров И.А. Обыкновенная история. М.: Худож. лит., 1987. 320 с.
12. Ермолин Е. О литературе 90-х [Электронный ресурс] // Континент. 2011. № 150. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2011/150/e13-pr.html>
13. Осьмухина О.Ю. Традиции романа воспитания в прозе В. Пелевина // Традиции в русской литературе: Международный сборник научных трудов / Кафедра русской и зарубежной филологии НГПУ им. К. Минина. Нижний Новгород, 2014. С. 235–242.

SPECIFIC FEATURES OF INTERPRETING THE BILDUNGSROMAN TRADITION IN M. SHISHKIN'S PROSE (on the material of the «Larionov's Notes»)

O. Yu. Osmukhina, I. R. Kuryaev

In this article, by using the comparative-historical and integral method of literary work analysis, we examine some specific features of interpreting the Bildungsroman tradition in M. Shishkin's novels. It has been established that in his novel «Larionov's Notes» the action develops according to the classical Bildungsroman scheme: it is a narrative of the protagonist's spiritual journey aimed at achieving internal harmony and spiritual maturity. Building on the tradition of Goncharov's «An Ordinary Story», Shishkin in his «Larionov's Notes» not only uses the Bildungsroman elements (monocentrism, specific imagery system, composition determined by the stages of the protagonist's coming of age), but also extends the Bildungsroman tradition through stylization and irony.

Keywords: plot, chronotope, tradition, Bildungsroman, Goncharov, Shishkin.

References

1. Zur Geschichte des Deutschen Bildungsromans. Hrsg. von Rolf Selbmann. Darmstadt, 1988. 380 S.
2. Bahtin M. M. Roman vospitaniya i ego znachenie v istorii realizma // Bahtin M. M. Ehstetika slovesnogo tvorchestva. M., 1979. S. 188–236.
3. Krasnoshchekova E.A. Roman vospitaniya – Bildungsroman – na russskoj pochve: Karamzin. Pushkin. Goncharov. Tolstoj. Dostoevskij. SPb.: Izd-vo «Pushkinskogo fonda», 2008. 480 s.
4. Pashigorev V.N. Filosofskie i literaturnye predposylki nemeckogo romana vospitaniya // Filologicheskie nauki. 1990. № 2. S. 36–43.
5. Shohina V. Privet iz proshlogo veka: «Literaturnoe prinoshenie» Mihaila Shishkina // Literaturnaya gazeta. 1993. 13 okt. № 41. S. 4.
6. Ingemansson A.R. Avtor i geroj v romane Mihaila Shishkina «Zapiski Larionova» // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Volgograd, 2013. № 2 (105). S. 181–184.
7. Os'muhina O.Yu. Avtorskaya maska v russskoj proze 1760–1830-h gg.: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Saransk, 2009. 40 s.
8. Shishkin M.P. Zapiski Larionova. M.: AST, 2010. 320 s.
9. Orobij S.P. «Vavilonskaya bashnya» Mihaila Shishkina: opyt modernizacii russskoj prozy. Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU, 2011. 161 s.
10. Krasnoshchyokova E. Ivan Aleksandrovich Goncharov. Mir tvorchestva. SPb.: Pushkinskij fond, 1997. 496 s.
11. Goncharov I.A. Obyknovennaya istoriya. M.: Hudozh. lit., 1987. 320 s.
12. Ermolin E. O literature 90-h [Ehlektronnyj resurs] // Kontinent. 2011. № 150. Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/continent/2011/150/e13-pr.html>
13. Os'muhina O.Yu. Tradicii romana vospitaniya v proze V. Pelevina // Tradicii v russskoj literature: Mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh trudov / Kafedra russskoj i zarubezhnoj filologii NGPU im. K. Minina. Nizhnij Novgorod, 2014. S. 235–242.